

Идеологизация культуры как идейная предпосылка ее милитаризации в XX–XXI вв.

Аннотация. В статье произведен анализ понятия «культура», рассмотрены основные этапы осмысления культуры в истории философии и социально-политической мысли. Утверждается, что с распадом СССР завершилось идеологическое противостояние двух политических систем, но идеологизация культуры не утратила своей актуальности. Авторы считают, что идеологизация культуры неизбежно ведет к милитаризации культуры и, как следствие, информационной войне. Так как идеологизированная культура стремится к уничтожению культурных и идеологических альтернатив, а информационная война выступает наиболее удобным инструментом для достижения политических целей невоенным путем. Результаты исследования могут быть применены для разработки государственных программ направленных на охранение культурных ценностей человечества и традиций отдельных народов.

Ключевые слова: идеология, культура, ценности, милитаризм, информационная война.

Авторы

Убирия Изабелла Феликсовна,
аспирант кафедры
истории социально-политических
учений факультета политологии
Московского государственного
университета имени М. В. Ломоносова
(Москва, Россия).

Горохов Андрей Анатольевич,
кандидат политических наук,
начальник научного отдела
факультета политологии Московского
государственного университета имени
М. В. Ломоносова
(Москва, Россия).

Теоретическое осмысление понятия «культура»

В современном обществе (как в повседневной жизни, так и в научных дискуссиях) круг вопросов, связанных с культурой, поднимается достаточно часто. При этом, необходимо отметить тот факт, что в науке до сих пор не выработано единое понятие культуры, более того, наблюдается тенденция количественного роста определений [1. — С. 54]. Так, с 1871 по 1919 г. было зафиксировано семь определений культуры, в 1952 г. антропологи А. Л. Кребер и К. Клакхон установили только в англоязычной литературе 164 определения культуры. В 2003 г. сотрудники Государственного института искусствознания К. Соколов и В. Жидков утверждали, что культура имеет «500 определений» [2. — С. 7], в словаре «Культура и культурология» под редакцией А. И. Кравченко отмечается, что «к настоящему вр. ученые насчитывают более 500 определений культуры» [3. — С. 450]. Более того, исследователь Института российской истории РАН И. И. Попов в начале XXI в. отмечал: «К концу же XX в., как полагают некоторые специалисты, оно [определение понятия «культура»] приблизилось к тысяче» [4. — С. 73]. Несмотря на расхождение в подсчете количества определений, можно констатировать, что на протяжении XX в. и первых пятнадцати лет XXI в. значительно увеличилось число определений культуры.

Все это приводит к формированию в современной науке подхода, согласно которому представляется невозможным дать единое и всеобъемлющее определение такому понятию, как «культура». Например, на одной из научных конференций было отмечено, что «выработать единственное, абсолютно истинное определение культуры невозможно, поскольку культура является характеристикой или стороной бесконечно сложного феномена — общества в его взаимодействии с человеком и природой» [5. — С. 30]. Схожее мнение выска-

зывает американский антрополог Р. Линтон: «Культура сама по себе неуловима и не может быть адекватно воспринята даже теми индивидами, которые участвуют в ней непосредственно» [Цит. по.: 6. — С. 19]. Но такой подход не является продуктивным с точки зрения познания сущности культуры, так как изначально ориентирует исследователя на отрицательный результат.

Американские психологи в области изучения психического развития и обучения в условиях разных культур М. Коул и С. Скрибнер утверждают, что отсутствие единого определения культуры заставило «многих ученых отказаться от поисков всеохватывающего определения культуры. Вместо этого главное внимание уделялось тем или иным социальным явлениям, важным с точки зрения целей проводимого исследования» [7. — С. 16]. Однако такой методологический подход приводит к тому, что культура познается не как целое, а как совокупность отдельных элементов. Поэтому необходимо учитывать, что отдельные элементы могут не отражать свойства всей системы. Более того, как считает Ю. В. Чернявская, культура двулика: «Она функционирует и как явная норма, правило, закон, и как тончайший намек, непонятный порой даже самим ее носителям» [8. — С. 5]. Тем самым, разделяя культуру на отдельные «элементы», мы познаем только то, что в культуре актуально, то, что явно в данное время, а все, что было и что может проявиться в других исторических условиях, ускользает, и мы не охватываем в своем познании всю культуру в целом.

Несколько иной подход предлагает профессор Н. М. Лебедева, которая считает, что культура — это «абстрактное понятие, теоретическая сущность, которая помогает нам понять, почему мы делаем то, что делаем, и объяснить различия в поведении представителей различных культур» [9. — С. 20–21]. Тем самым мы можем утверждать, что количественный рост определений культуры связан не с тем, что культуру в принципе невозможно определить, а с характеристикой самого объекта познания.

Идеологизация культуры как идейная предпосылка ее милитаризации в XX–XXI вв.

На наш взгляд, культура как научная категория прошла несколько этапов своего осмысления. Впервые слово «культура» встречается у основоположника римской литературной прозы, писателя и государственного деятеля Древнего Рима Марка Порция Катона Старшего (234–149 до н. э.) в трактате «De agri cultura» — «О сельском хозяйстве». В переводе с латинского «cultura» означает «возделывание, возвращение». На этом этапе культура — это то, что касается возделывания почвы, сельского хозяйства. Второй этап становления понятия «культура» связан с римским политическим деятелем, оратором, философом и писателем Марком Туллием Цицероном (106–43 до н. э.). Именно Цицерон впервые использовал слово «культура» применительно к сущности человека. Цицерон писал: «Возделывание души — это и есть культура: она выпалывает в душе пороки, приготавливает души к принятию посева и вверяет ей — сеет, так сказать. Только те семена, которые, вызревают, приносят обильный урожай» [10. — С. 252]. На втором этапе культура — это уже то, что относится к сознанию, к внутренней человеческой деятельности, и что непосредственно влияет на изменение и формирование человека в духовном отношении. В эпоху Средневековья считалось, что «более распространенным, часто употребляемым и анализируемым было понятие „культ“ — этимологически родственное и близкое (в какой-то степени) по значению понятию „культура“ слово» [11. — С. 158]. Это связано с тем, что для Средневековья характерно доминирование религии в культуре.

Третий этап — это процесс использования слова «культура» в качестве научного понятия. Многие исследователи считают, что первым стал использовать понятие «культура» как научное понятие немецкий юрист XVII в. Самуэл Пуфендорф (1632–1694). Пуфендорф относил к культуре все, что существует благодаря деятельности человека. Некоторые исследователи утверждают, что «первым в Европе ввел в обиход слово „культура“ немецкий про-

светитель И. К. Аделунг в книге „Опыт истории культуры человеческого рода“, изданной в 1782 г.» [4. — С. 73]. Большой вклад в становление понятия «культура» внес английский антрополог Э. Б. Тайлор, который в 1871 г. в работе «Первобытная культура» определяет культуру следующим образом: «Культура, или цивилизация, в широком этнографическом смысле складывается в своем целом из знания, верований, искусства, нравственности, законов, обычаев и некоторых других способностей и привычек, усвоенных человеком как членом общества» [12. — С. 18]. Следовательно, на третьем этапе произошло формирование определения «культура» как научного понятия, которое, в свою очередь, стало неотъемлемо ассоциироваться с результатом человеческой деятельности — культурой как результатом созидательной деятельности человека.

На четвертом этапе становления данного понятия, культура представляет собой категорию философского осмысления. На данном этапе большой вклад в развитие понятия «культура» внес немецкий философ И. Кант, который утверждал, что «приобретение разумным существом способности ставить любые цели вообще (значит, в его свободе) — это культура» [13. — С. 464]. Но постановка цели зависит от ценностных установок субъекта, т. е. в зависимости от того, что мы понимаем под ценностями, формируется вектор развития культуры и изменяется ее содержание. Таким образом, И. Кант заложил философскую основу для формирования аксиологического подхода к культуре, согласно которому культура — это только то, что обладает ценностью для человека.

Философское осмысление Кантом культуры как системы ценностей привело к острым дискуссиям среди его последователей. В частности, глава Баденской школы неокантианства В. Виндельбанд (1848–1915) утверждал, что в эпоху Просвещения возникает культурная проблема, в основе которой лежит потребность ее самоосмысления. При этом процесс са-

моосмысления «кладет начало движению, лозунгом которого стала «переоценка всех ценностей» [14. — С. 475]. Такой лозунг возник в силу сложившейся ситуации, когда «ничего не истинно — все дозволено» [Там же. — С. 487]. Важно отметить, что религия в эпоху Просвещения утрачивает свое доминирующее влияние в определении ценностей человеческой деятельности, в т. ч. целей развития культуры, что приводит к процессу секуляризации культуры.

На следующем этапе развития представлений о культуре вместо религии ценности и цели развития культуры определяет государственная идеология. В связи с этим, пятый этап осмысления обществом понятия «культура» можно назвать политико-идеологическим. Культура становится объектом политического управления.

Идеологизация культуры

По сути, в XX в. происходит осознание того, что развитие культуры по аналогии с преобразованием природы подчинено не только гармоничному развитию человека и общества в целом, но также и определенным политическим целям, выражающимся в конкретной идеологии. Ключевое значение идеологии для развития культуры в 1947 г. отметили представители франкфуртской школы М. Хоркхаймер и Т. В. Адорно, которые в работе «Диалектика просвещения» писали: «Идеология, тем не менее, не становится ни менее прозрачной, ни более расслабленной. Как раз ее неопределенность, почти что сциентистская нерасположенность иметь дело с чем-либо, что не поддается верификации, функционирует тут в качестве инструмента утверждения господства. Она превращается в настойчивое и планомерное оглашение существующего порядка вещей» [15. — С. 184–185].

Можно выделить следующие социально-культурные факторы, оказавшие влияние на подчинение культуры идеологии. Во-первых, культура с момента научного осмысления стала рассматриваться как ин-

струмент для достижения определенной цели. Такой подход был уже заложен в работе Тайлора «Первобытная культура», где он вводит в научный оборот понятие «культура». Помимо «описательного» определения культуры, которое мы уже упоминали выше, Тайлор также определяет культуру следующим образом: «С идеальной точки зрения на культуру можно смотреть как на общее усовершенствование человеческого рода путем высшей организации отдельного человека и целого общества с целью одновременного содействия развитию нравственности, силы и счастья человека» [12. — С. 36]. Тем самым, согласно его трактовке, культура является той сферой, используя которую должным образом, можно выработать как в отдельной личности, так и в обществе в целом определенные качества. Таким образом, культура рассматривается как инструмент, в т. ч. для решения определенных политических задач.

Во-вторых, культура стала рассматриваться в связи с определенным — инструментальным восприятием значения разума. Инструментализму свойственно рассмотрение ценности разума, прежде всего, в плоскости «реализации тактики достижения успеха и признания, отказ от постижения основ бытия в пользу отработки методов разрешения проблемных ситуаций, позволяющих наиболее эффективно адаптироваться к изменяющимся социальным условиям» [16. — С. 24]. Тем самым, инструментализм рассматривает культуру именно с точки зрения возможности решения имеющихся проблемных вопросов и поэтому актуализирует ту часть культурного наследия, которая может ответить на вызовы и решить поставленную проблему, в т. ч. политического характера.

В-третьих, большое влияние на развитие европейской культуры оказал процесс секуляризации. В результате секуляризации культуры религиозные ценности, прежде всего христианские, уступили место политическим ценностям.

В-четвертых, идеологизация культуры стала возможна в связи с ценностным

Идеологизация культуры как идейная предпосылка ее милитаризации в XX–XXI вв.

релятивизмом. К. Манхейм по вопросу релятивизма писал следующее: «Только в нашем мире с присущим ему стремительным и радикальным преобразованием в социальной и духовной сфере идеи и ценности, рассматривавшиеся раньше как абсолютные, могут обрести такую прозрачность, которая позволит нам видеть все и вся в аспекте идеологичности. До сих пор критике подвергались какие-либо определенные идеи, но тем настойчивее абсолютизировались собственные; теперь же существует слишком много одинаковых по своей ценности и духовному значению позиций, релятивизирующих друг друга» [17. — С. 76]. В условиях ценностного релятивизма воздействие политических субъектов на культуру с помощью идеологии, пропаганды, СМИ может как усилить ценностную значимость культуры, так и низвести ее до минимума.

По сути, идеологизация культуры привела к ее развитию под влиянием политических идеалов или политических целей. Иначе говоря, если признать политическую цель культуры как доминирующую, то, опираясь на определение культуры, сформулированное И. Кантом, идеологизированную культуру можно определить как возможность человека выбирать только те цели, которые сформированы в рамках той или иной идеологии. А если исходить из аксиологического подхода, то культурой становится совокупность ценностей, способствующих достижению политических целей или идеалов.

На наш взгляд, идеологизированная культура может развиваться по-разному.

Во-первых, на базе различных идеологий и даже в какой-то степени при их борьбе. Например, политическое противостояние двух идеологических систем XX в. трактовалось как борьба двух культур. «Основным противоречием духовной жизни современной эпохи является борьба двух идеологий, двух культур — социалистической и буржуазной» [18. — С. 8], — писали в 1979 г. советские идеологи.

Во-вторых, при доминировании одной идеологии, что приводит к подмене мно-

гообразия различных и многообразных ценностей культуры определенной совокупностью ценностей, нашедших свое воплощение в конкретной идеологии. Итогом развития в этом случае становится культура, основанная на единой идеологии. Об этом в свое время писали П. А. Николаев и М. С. Каган. Николаев полагал, что «подлинная культура и есть социализм, как настоящая материальная, духовная, бытовая и нравственная жизнь» [19. — С. 252]. Каган в 1963 г. утверждал, что «коммунистическая культура будет столь же единой по своему идейному содержанию, как единым будет общественное бытие свободного человека» [20. — С. 22].

Необходимо отметить, что в зарубежной социально-политической мысли сложилось схожее убеждение, конструирующее безальтернативное будущее. Это убеждение в том, что только западная либеральная идеология может быть платформой для развития всей человеческой культуры. На наш взгляд, такое восприятие культуры во многом стало следствием творчества американского культуролога и политического философа XX в. Л. Штрауса. Благодаря ему американские неоконсерваторы обнаружили в политическом либерализме абсолютную истину. Не случайно американский философ Ф. Фукуяма в знаменитом эссе «Конец истории?» утверждает, что к завершению XX в. мир подошел «к неоспоримой победе экономического и политического либерализма» [21. — С. 134]. Такая победа, по мнению философа, приводит к господству «универсальной культуры потребления» [Там же. — С. 141].

По сути «универсальная культура» основывается исключительно на экономическом потреблении, в то время как ценности национальной культуры теряют свое значение. Господство такой культуры, по мнению Фукуямы, возможно при условии, что будут «забыты идеологические претензии на иные, более высокие формы общежития» [Там же. — С. 144]. И это вполне закономерно, так как потребление не предполагает созидания культур-

ных ценностей. Также можно заметить, что выводы Фукуямы схожи с тезисами советских идеологов о возможности замещения многообразной культуры одной идеологией.

В свою очередь, американский аналитик З. Бжезинский вводит понятие «культурное превосходство», которое, по его мнению, является одним из главных факторов «американской глобальной мощи» [22. — С. 38]. Фактором, препятствующим распространению американского влияния, Бжезинский считает наличие в Евразии разных культур, подчеркивая, что Евразийский континент «разнообразен в культурном отношении» [Там же. — С. 48–49]. Сопоставляя «доминирование американской культуры» и «наличие многообразных культур», Бжезинский рассматривает культуру исключительно как инструмент достижения политических целей определенного государства. При этом он не скрывает, что американская культура в целом примитивна и «больше тяготеет к массовым развлечениям, в которых господствуют гедонистские мотивы и темы ухода от социальных проблем» [Там же. — С. 250], а это, в свою очередь, чревато «резким падением в обществе центральной роли ценностей, основанных на религиозных чувствах» [Там же. — С. 251]. Кризисные явления в американской культуре, считает он, подрывают основы для стабильного экономического развития, поскольку потребительский характер культуры приводит к тому, что «темпы экономического роста уже не могут больше удовлетворять растущие материальные потребности» [Там же. — С. 251].

Трезво оценивая все слабые места американской культуры, Бжезинский все же убежден: «Что бы ни думали некоторые о своих эстетических ценностях, американская массовая культура излучает магнитное притяжение, особенно для молодежи во всем мире» [Там же. — С. 38]. При этом проводником американской массовой культуры выступают телевизионные программы и фильмы, популярная музыка, еда, одежда, глобальная сеть Интернет, американское образование, а также «де-

мократические идеалы, связанные с американскими политическими традициями» [Там же. — С. 38].

Милитаризация культуры

В XX столетии с распадом СССР завершилось идеологическое противостояние двух политических систем, и идеологизация культуры должна была утратить свою актуальность. Осмысливая изменения, произошедшие на мировой политической арене, С. Хантингтон писал: «С коллапсом коммунизма культура вытеснила идеологию» [23. — С. 208]. Ожидалось, что теперь культура освободится от идеологического влияния и обретет ценность сама по себе. Однако можно констатировать, что в XXI в. начинает доминировать милитаристский подход, согласно которому культура может развиваться при условии того, что она поддерживается военной мощью того или иного государства. Такое мнение мы можем встретить у того же Хантингтона, который писал: «Усиление жесткой экономической и военной власти приводит к росту самоуверенности, высокомерия и веры в превосходство своей культуры или могущество по отношению к другим народам, и привлекает к этой власти иные общества» [Там же. — С. 133]. Согласно такому подходу развитие культуры зависит от эффективности вооруженных сил и экономики общества, которая позволяет содержать сильную армию, поскольку «ослабление экономической и военной власти ведет к неуверенности в собственных силах, кризису идентичности и попыткам найти в других культурах ключи к экономическому, военному и политическому успеху» [Там же. — С. 133].

Современный милитаристский подход к развитию культуры идеологически оформился в конце XX — начале XXI вв. в рамках североамериканского неоконсерватизма. Ввиду того, что неоконсерватизм в США стал идеологией «однополярного мира», закрепляющей гегемонию Штатов,

Идеологизация культуры как идейная предпосылка ее милитаризации в XX–XXI вв.

представители данного политического течения «сосредоточены на „однополярной“ силе США и считают использование силы первым, а не последним средством внешней политики... настаивая на оправданности и необходимости упреждающих военных действий» [24. — С. 59]. В связи с этим А. Громыко замечает, что «современный культ милитаризма в США, прославление военной силы, был развит не столько военными идеологами и стратегами, сколько гражданскими, то есть в данном случае неоконсерваторами» [25. — С. 64]. Кстати, об этом еще в 1918 г. писал М. Вебер: «...в Америке зачинщиками войн были американские университеты и прослойки, получившие университетское образование, а не военные поставщики, как в остальных странах» [26. — С. 307].

На наш взгляд, североамериканский неоконсерватизм не может рассматриваться как разновидность консервативной идеологии [См.: 27, 28, 29]. Американский аналитик К. Престовиц в своей работе утверждает: «Имперский проект так называемых неоконсерваторов — это вовсе не консерватизм, а радикализм, эгоизм и авантюризм... истинный консерватизм никогда не был мессианским или доктринерным» [30. — Р. 277]. Более того, Фукуяма в 2007 г. назвал американский неоконсерватизм «ленинизмом», поскольку, по его мнению, «идея ленинизма состоит в том, чтобы, используя силовые методы, ускорить процесс развития и модернизации» [31].

Можно утверждать, что милитаристский подход является идеологическим обоснованием применения военной силы в тех проблемных ситуациях, которые должны решаться через снятие культурных противоречий. Опасность милитаристского подхода состоит в том убеждении, что культурные конфликты нельзя решить без применения военной силы: «культурные вопросы ставят нас перед выбором: да или нет, все или ничего» [23. — С. 193]. В результате такого подхода формируется убежденность, что мировое сообщество, состоящее из разных культур, не может

существовать без военных конфликтов, а национальные культуры могут сохранять свою ценность только при условии обеспечения военного превосходства над потенциальным противником. Иначе говоря, в рамках данного подхода применению военной силы придается легитимный характер, поскольку милитаристский подход не подразумевает, что носители разных культур могут существовать мирно, а при возникновении конфликтных ситуаций разрешать противоречия, не теряя своей культурной идентичности и не применяя военную силу. Война в рамках милитаризма воспринимается как норма международного и культурного взаимодействия. Также необходимо отметить, что вывод Хантингтона о том, что столкновение цивилизаций является неизбежным, приводит к теоретическому обоснованию существования постоянных и неизбежных военных конфликтов. В связи с этим уместно отметить вывод, который сформулировал Е. М. Примаков: «Хантингтон утверждает, с одной стороны, неизбежность таких столкновений, и с другой — рассматривает их в виде основного противоречия, определяющего мироустройство. Именно с этим нельзя согласиться. И именно это льет воду на мельницу тех, кто ратует за объединение сил Запада для борьбы с „агрессивным мусульманским миром“» [32. — С. 89]. Неизбежность конфликтного сосуществования представителей различных религиозных и этнических групп опровергается многовековыми межкультурными и межнациональными взаимодействиями в России и в Евразии в целом.

В итоге можно констатировать, что идеологизация культуры неизбежно ведет к милитаризации культуры и, как следствие, информационной войне. Поскольку идеологизированная культура стремится к уничтожению культурных и идеологических альтернатив, информационная война и есть один из наиболее удобных инструментов для достижения политических целей невоенным путем. Ответом на прояв-

ления информационной агрессии может выступить глубокий анализ политических и исторических предпосылок идеологизации культуры, обращение «потребителя массовой культуры» к культурным ценностям человечества, бережное отношение общества к культурному наследию, духов-

ным ценностям и исторически сложившимся традициям своей страны, а также проведение последовательной государственной политики, нацеленной на возведение культуры в ранг национальных приоритетов.

Литература

1. Васич В. Н., Ширинянец А. А. Политика. Культура. Время. Мифы. — М.: Диалог-МГУ, 1999. — 129 с.
2. Соколов К., Жидков В. Теория культурной политики: понятийный аппарат и основные определения // Культурная политика. Проблемы теории и практики. Сборник статей / Гос. ин-т искусствознания. Под ред. О. Хлопина. — СПб: Дмитрий Буланин, 2003. — С. 5–13.
3. Культура и культурология: словарь / Под ред. А. И. Кравченко. — М.: Акад. Проект, 2003 — С. 926.
4. Попов И. И. Культура и культурология // Наука в России. — 2004. — № 4. — С. 72–75.
5. Бондаренко С. В., Гончарова Н. В. О термине «культура» в различных культурологических школах // Материалы II Международной научной конференции «Концепт и культура» (Кемерово, 30–31 марта 2006 г.). Ответственные редакторы: Лушникова Г. И. — Прокопьевск: Полиграф-Центр, 2006. — С. 26–30.
6. Уайт Л. А. Понятие культуры // Антология исследований культуры. Интерпретации культуры. — СПб: Университетская книга, 2006. — С. 17–49.
7. Коул М., Скрибнер С. Культура и мышление. — М.: Прогресс, 1977. — 262 с.
8. Чернявская Ю. В. Культура явная и скрытая // Человек. — 2005. — № 4. — С. 5–12.
9. Лебедева Н. М. Ценности культуры и развитие общества. — М.: ИД ГУ ВШЭ, 2007. — 527 с.
10. Цицерон М. Т. Избранные сочинения. — М.: Художественная литература, 1975. — 320 с.
11. Орлова З. Н. Понятие «культура»: аксиологический аспект // Вестник Нижегородского университета. Серия «Социальные науки». — 2007. — № 2 (7). — С. 158–163.
12. Тайлор Э. Б. Первобытная культура. — М.: Политиздат, 1989. — 573 с.
13. Кант И. Критика способности суждения // Кант И. Сочинения в шести томах. — М.: Мысль, 1966. Т. 5. — С. 161–529.
14. Виндельбанд В. История новой философии в ее связи с общей культурой и отдельными науками. В 2 т. Т. 2. — М.: Терра-Канон-Пресс-Ц, 2000. — 512 с.
15. Адорно Т. В., Хоркхаймер М. Диалектика просвещения. М. — СПб: Медиум, Ювента. 1997. — 312 с.
16. Костина А. В. Массовая культура как феномен постиндустриального общества. — М.: URSS: КомКнига, 2005. — 350 с.
17. Манхейм К. Идеология и утопия // Манхейм К. Диагноз нашего времени. — М.: Юрист, 1994. — С. 7–260.
18. Культура и идеологическая борьба / Под общ. ред. А. И. Арнольдова, Н. В. Новикова. — М.: Мысль, 1979. — 192 с.
19. Николаев П. А. Культура как фактор национальной безопасности. — М.: Русский импульс, 2007. — 320 с.
20. Каган М. С. Коммунизм и искусство. — М.: Издательство «Знание», 1963. — 48 с.
21. Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопросы философии. — 1990. — № 3. — С. 134–155.

Идеологизация культуры как идейная предпосылка ее милитаризации в XX–XXI вв.

22. Бжезинский З. Великая шахматная доска (Господство Америки и его геостратегические императивы). — М.: Международные отношения, 1998. — 254 с.
23. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. — М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. — 603 с.
24. Кларк Д., Халпер С. Неоконсерваторы: новая политическая группа интересов // Прогнозис. — 2006. — № 2. — С. 57–86.
25. Громыко А. Метаморфозы американского неоконсерватизма: идеология на излете // Обозреватель. — 2007. — № 8. — С. 56–67.
26. Вебер М. Политические работы (1895–1919). — М.: Праксис, 2003. — 424 с.
27. См.: Шириняц А. А. Нигилизм или консерватизм? (Русская интеллигенция в истории политики и мысли). — М.: Издательство Московского университета, 2011. — 568 с.
28. См.: Горохов А. А. Методологические аспекты анализа консерватизма: идеология, мировоззрение, политическая культура // Проблемный анализ и государственное управленческое проектирование. — 2012. — Том 5. — № 1. — С. 72–78.
29. См.: Убурия И. Ф. Смена представлений о понятии идеологии в политических концепциях XIX–XX вв. // «Știința politică și societatea în schimbare», conferința științifică internațională (2015; Chișinău). Știința politică și societatea în schimbare: Materialele Conferinței științifice internaționale. CEP USM Chișinău. 2015. — С. 235–244.
30. Prestowitz C. Rogue Nation: American Unilateralism and the Failure of Good Intentions. New York: BasicBooks, 2003. — 328 p.
31. Интервью с Фрэнсисом Фукуяма. США умудрились противопоставить себя всему миру // Издательский дом Коммерсантъ. — URL: <http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocID=774357> (дата обращения: 01.02.2016).
32. Примаков Е. М. Мир без России? К чему ведет политическая близорукость. — М.: ИИК «Российская газета», 2009. — 239 с.